

НАШ СОВРЕМЕННОК

ОСНОВАН А. М. ГОРЬКИМ В 1933 ГОДУ

Литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

9

СЕНТЯБРЬ

1 9 8 5

Главный редактор
С. В. ВИКУЛОВ

Редакционная
коллегия:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. Е. БРАГИН
(зав. отделом очерка
и публицистики),
И. А. ВАСИЛЬЕВ,
Т. И. ИВАНОВА
(зав. отделом критики),
В. И. КОРОБОВ
(первый заместитель
главного редактора),
О. К. КОЖУХОВА,
А. Г. КУЗЬМИН,
С. М. ЛУКОНИН
(ответственный
секретарь),
В. И. МУССАЛИТИН
(заместитель главного
редактора),
Е. И. НОСОВ,
Н. В. ПОПОВ
(зав. отделом прозы),
В. Г. РАСПУТИН,
Г. В. СЕМЕНОВ,
Г. В. СЕРЕБРЯКОВ,
Г. Н. ТРОПОЛЬСКИЙ,
Л. А. ФРОЛОВ,
А. И. ХВАТОВ,
А. Ф. ШИТИКОВ
(зав. отделом поэзии),
Н. Е. ШУНДИК.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», МОСКВА

© «Наш современник» № 9

Юрий ТЁШКИН

СТУПЕНЕЧКИ

Скрытое, замаскировавшееся до поры зло — не хуже ли оно явного? Казалось бы, что преступного в выпитой молодым человеком рюмке спиртного? Но за ней следует вторая, третья, десятая... И вот уже подорвано здоровье, потеряна острота и ясность мысли, вместо друзей появились сомнительные дружки... А отказаться от водки стало трудно — втянулся, привык. Начал вроде бы с того, что выпил «за компанию», а теперь уже сам ищет любую «компанию», лишь бы «горячительное» было. Распадается семья, остается без отца ребенок, приходится расстаться и с любимой работой. Не слишком ли дорогая цена за ту, первую рюмку? А ведь этими бесцельно растраченными силами, молодым здоровьем и задором можно было распорядиться по-иному, поскольку в нашей стране созданы все условия для гармонического, всестороннего развития личности.

К сожалению, разговор этот не отвлеченный, он — о конкретном человеке, герое очерка Ю. Тёшкина. С нескрываемой болью и тревогой говорит публицист о трагедии, в которую люди втягивают себя сами, добровольно.

Безусловно, общество стремится помочь и помогает такому человеку снова стать полноценной личностью. Но по-прежнему все в первую очередь зависит от самого человека, его желания вернуться к труду, активной общественной жизни.

Размышляя о нравственной стороне проблемы борьбы с пьянством, об ответственности каждого из нас за моральное здоровье общества, автор очерка ведет серьезный разговор и о деятельности официальных органов. Министр внутренних дел СССР В. Федорчук в статье «Крепить общественный порядок» («Правда» от 29 мая 1985 года) отмечал, что база лечебно-грудовых профилакториев «пока не обеспечивает возможности направления в них многих нуждающихся в лечении, все еще недостаточно эффективен и сам его курс». Описывая процесс лечения, анализируя факты, Ю. Тёшкин поднимает вопрос об улучшении работы ЛТП.

В каждой строке этого материала — боль за человека, которого вода довели до такой степени, что его уже необходимо спасать. Деградация, моральное растление, болезни, смерть — вот они, спутники «зеленого змия». Судьба героя очерка — грозное предостережение тем, кто еще не до конца осознал всю опасность «первой рюмки». Опасность для жизни.

В

ОВКУ С. в ЛТП отправляют. Допрыгался. Уже и комиссию прошел, и документы участковый забрал. Всё. Страшно стало Вовке. Нервы не выдержали. Перебрался он через шоссе в дачный поселок на старую дачу двоюродного дядьки по материнской линии. Без разрешения, конечно. Сковырнул замочек — и живет. Ноябрь, на даче колотун. Но Вовка с утра закоулками-переулками, чтобы Панков-участковый не заск, в магазин проберется, быстренько отоварится и — юрк опять к себе на дачу. В тряпье завернется и винцо поливает. Кое-что из вещей, которые дядя в город не захватил, Вовка уже загнал. Кое-что еще загнать можно. Хорошо Вовке на даче! А вчера у магазина повстречал он Борьку Киселева, которого все зовут Кисель, — тоже с утра у магазина околачивается. Кисель в последнее время крестиками промышляет. Где-то научился изготавливать их из проволоки-нержавеющей, да так здорово — по три рубля за штуку с руками оторвут! Тем и живет, еще и на винцо перепадает. Вот Кисель и сообщил, что уже и на даче Вовку выследили, завтра часиков в девять брать будут. Что делать? Взял Вовка три «бомбы» азербайджанского по ноль семь, две вчера принял, одну на утро оставил. Вот и пьет утром в тоске и одиночестве. Страшно Вовке, скоро девять, трясет его, мысли путаются, а как допил, вдруг отпустило, хоть и знает он, что ненадолго, но повеселел, вздохнул полной грудью, распрямился даже. И пришла в голову мысль — как же все-таки всех перехитрить. Мысль до того понравилась Вовке, что он тут же, превозмогая себя, поднялся и, за стенки держась, вышел в сени, окинул взглядом довольно высокую и крутую лестницу на чердак, чертыхнулся в адрес дядьки, который выстроил такую лестницу высокую, крутую, и, не раздумывая, на первую ступенечку поднялся. Присел, отдышался и уже на четвереньках, так понадежнее, на вторую перебрался. Ступенечки широкие, влажные, потемневшие, кое-где по углам пыль скопилась за много лет, а кое-где, наоборот — с крыши капало — подгнили, в общем, ненадежные. Запросто загреметь можно.

— Ну, отдохнули, — бормочет он, — пойдем дальше... вот так... вот так... Владимир Константинович... потихоньку, полегоньку... на бок... на бочок... теперь на колени... ручками упрямся... еще немного... еще чуть-чуть... уф!.. н-ну... у-у-уф... Сердце обрывается, весь потом покроешь, нет здоровья. Да и откуда ему взяться, здоровью-то? Сегодня утром я посчитал — выходит, пью уже семнадцать дней. Или девятнадцать все же? Ну, не важно. Если среда — то семнадцать, а если пятница, тогда девятнадцать. Да. Надо как-то выбираться. А тяжело! Если б кто знал, как тяжело. Очень. А было время, когда я не понимал, как это можно страдать с похмелья. Неужели было? Конечно. Думал, что притворяются люди,

придумывают повод для продолжения пьянки. За компанию лишь и присоединялся к похмелье. Ради бравыды юношеской — тоже хотелось казаться мужичиной. И еще — чтобы других не обидеть. Матушка, помнится, говаривала частенько: «Вовка наш жалостлив, рубаху с себя снимет да отдаст!»

А еще я думаю — мне всегда нравилось посидеть в компании, поговорить, я — общительный человек, одиночества не любил. Вот что тогда было важным. В общем-то, если откровенно, пока сам с похмелья не стал страдать, в водке я не видел ничего приятного. Притворялся, что приятно пить, — это правда, а на самом деле воротило с нее. В техникуме я спортом занимался. Хе-хе-хе... Спортсмен! Мастер... по бутылболу... Ну, что? Еще на одну ступенечку переберемся? Торопиться не будем, время есть, раньше десяти, я думаю, они сюда не заявятся, я все рассчитал. Сейчас на чердаке хорошо, солнце, свежий ветерок, голуби, поди, воркуют... Что-то такое похуже было, когда попал после техникума по распределению на Дальний Восток. Да, много света, солнца, проветренность во всем мире и... парочки по скамейкам воркуют, завидовал. Назначили меня прорабом участка. Неожиданно после голодного студенчества появилось сразу много денег. Рабочие на «вы» называют. А главное — самостоятельность, масштаб, объекты на сотни тысяч. Работа нравилась, даже увлекала. Помнится, я даже стыдился этого увлечения работой, казалось мне, что своим увлечением я как-то оскорбляю более старших товарищей. В них же я подмечал некоторое пренебрежение своим делом. И старался хотя бы внешне походить на них. Только поэтому и от выпивок не отказывался, когда звали. Хотя и шел на них с тяжелым чувством.

А пьянки следовали одна за другой! В первое время меня поражало: работать-то когда? С аванса, с получки, с премии, со сдачи объекта, по случаю дня рождения, праздников, с выговора или с награды, в субботу обязательно, в понедельник — тоже. Месяца через два-три обнаружил я, что если не каждый день, то через день — пьем! Отказаться как-то неудобно, скажут: «Молодой, загордился, выделиться хочет перед начальством». Ну и идешь к столу, даже руки потираешь, как опытный пьяница. Идешь и думаешь: «Рюмку-другую, чтоб только не обидеть хороших людей, — и в общежитие, посчитать что-нибудь». В техникуме я очень любил читать. Все Диккенса прочел и этого... как его, ну... Флобера. И наших, помнится, читал, Грина, например, или Чехова, Бабеля тоже любил. До сих пор из «Конармии» помнится... «Крошили мы шляху по-за Белой Церковью». Крошили вдосталь, аж деревья гнулись... Все читать меня тогда тянуло... ан нет — одну, другую рюмку выпьешь, третью примешь, ну и пошло-повехало! У кого-то обязательно деньги найдутся, кто-то куда-то смотается на машине, и вот уж и привезли — гуляй до утра! А утром на работу. Сидишь на разнарядке, носом клюешь. С похмелья не страдал, а вот спать хотелось.

Ну вот, с год-то так я еще держался, справлялся на два фронта. Денег, правда, уже не хватало. Да и каких тут денег хватит? Вот и бегаешь в бухгалтерию за авансом, выдумываешь разные предлоги. Помню, шапку спрячешь за пазуху, а мороз! Зайдешь: так, мол, и так — холодно, шапку не мешало бы приобрести, дайте полсотенки на шапку. Ну, посмеются в бухгалтерии, там в основном женщины были, да и дадут, выпишут. А Мишка-нормировщик уже шепчет: «Я сейчас, занимай столлик». Тот Мишка приехал к нам откуда-то в командировку и все собирался назад уехать, стул даже не брал, сидел на чемодане. Так года два или три и сидел на чемодане, спился совсем, спилить стал и всем говорил, что он вот-вот уезжать должен, сколько же можно на чемодане сидеть!

Ну что ж — дальше — больше, стал я уже фиктивные наряды подписывать: денег-то никак не хватало. Мастер у меня оказался пройдохой. Любый дефицит достанет, дай только наличными. Вот и пошли наряды, теперь деньги всегда были. Что-то доставали, что-то обмывали. Так с год тянулось. Прогулы, естественно, пошли, выговора, простые, строгие и с последним предупреждением. Один объект комиссия вообще не приняла. Ну, потом, конечно, был вытрезвитель, товарищеский суд — перевели на три месяца в подсобники... Давай-ка, Владимир Константинович, еще на одну ступенечку передвинемся по-выше... вот так... вот так... сзади себя локотком обперемся и... фу ты, пылица-то какал! Десять лет, поди, не мыли здесь... во-о... хо-ро... уф!.. у-у-уф... Да-а-а, а на чердаке сейчас благодать, солнце бьет через все щели, опилил под ногами — солнце их нагрело — пахнут вкусно! И голуби у слухового окна чистят перышки... А сердце как колотится. Да-а... никуда ты не годишься, теперь с неделей надо в себя приходиться, вот так сразу не остановишься, тормоза теперь надо спускать постепенно. Если б возможности позволяли, по-хорошему-то дня два надо сухое вино пить, потом дня два — пиво, потом уж день — рессол, а потом уж — банька и чай, — вот как надо, если б всё путём, как у людей! Но где там — в десять придут. Правда, до десяти еще есть время — вполне достаточно.

Ну-с... перевели, значит, меня в рабоче, а я, представьте себе, даже обрадовался. Меня уж самого тяготила такая жизнь. Да и стыдно было, когда разбирали на товарищеском суде. Человек триста в зале, и все на тебя одного смотрят! Работал я в бригаде каменщиков, мне там нравилось. Во-первых, не надо было ни о чем думать, во-вторых — клади себе кирпич потихоньку да клади. Первое время я, конечно, медленно работал, выложу ряда два-три и скорее отвесом проверяю — ровно ли. Ну, а потом освоился, и дело пошло. Через два месяца разряд повысили, да я и сам видел — действительно неплохо получалось. Срок кончился, начальник вызвал, спрашивает:

— Ну, как? Будем дальше работать или нет?

— А как же, — отвечаю, — будем, конечно.

— Пить будешь? — спрашивает.

— Нет, — говорю, — завязал.

А какие нет! Друзья уже ждут за воротами, отметить такое дело. Так и дальше пошло. Поосторожнее просто стал, на глаза старался пьяным не попадаться. Но уже мнение обо мне было неважное. На другие участки переводили. Начальник часто вызывал. «Если бы, — говорит мне, — ты не был молодым специалистом, давно бы выгнал тебя!»

Два с половиною года я так-то кое-как дотянул и поехал сразу на шесть месяцев в отпуск к матушке в деревню. Матушка очень обрадовалась, дня три гуляли по случаю моего появления. Потом уж и кончаты вроде бы надо, а я остановиться никак не могу. Неделю пью, вторую пью, друзья уже появились. Да не друзья — собутыльники, конечно. Деревня — село, самогон чуть ли не в каждом доме. Каждый вечер я в стельку. Посмотрела матушка на меня, посмотрела и говорит: «Женить тебя надо, Вовка! Вот в чем дело. По твоей жизни, по твоим заработкам тебя женить обязательно надо!» «А что, — отвечаю, — я не прочь, да на ком?» — «А вот у Юзека, у свата, аж четыре дочки — выбирай любую!»

Встал я утром. А что, думаю, дай-ка схожу к Юзеку, он мужик ничего. Взял бутылку, пошел. Короче, через неделю сыграли свадьбу со средней Юзековой дочкой, Валей. Она хозяйственная такая, молодая, симпатичная и очень трудолюбивая. Да у них, у Юзек, все в семье трудолюбивые. И решил я на Дальний Восток не возвращаться. Начать новую жизнь. Послал запрос в отдел кадров, документы мне прислали, и подался мы с Валей в Казахстан, в Караганду. Там у Юзека был какой-то дальний родственник в шахтстрое. Устроились неплохо. Сначала комнату снимали у одного казаха, гостеприимные люди эти казахи! Даже жель было от них уезжать, когда квартиру дали. Так вот.. Ну, что — еще одну ступенечку одолеем! Или отдохнем. Да нет, потихоньку будем наверх все же пробираться, а то тут пыльно, полумрак, отсырелость какая-то, кошками воняет. Давай, Владимир Константинович, давай, дорогой. Вот так, вот так — чем выше, гляжу я, тем ты царапаешься лучше, вон уже и солнечное пятно видать...

Сперва-то мы с Валей ладно жили. Я пил вначале немного, гораздо меньше, чем когда один жил. Ну, под воскресенье там бутылочку когда возьмешь или с получки, ну, из баньки там идешь, всегда прихватишь что-то. Но ведь не на улице, не под забором, а вместе с Валей сядем вечером, телевизор включим, сидим-попиваем. А вернее, я ее за вечер сам и уговорю, потому что Валя могла выпить рюмку — не больше. В воскресенье лица возьмешь, так и протянешь, бывало, выходные-то. А вот в другие вечера скучновато, поговорить-то нам почему-то вдруг не о чем стало. Ей о моих делах скучно было слушать, а мне — о ее. О том, что купить она собирается в квартиру да как обставить ее, где детскую кроватку поставим,

как ребенка называем. Мне-то, помнится, было все равно, как назвать, а вот фигура у нее тогда сильно изменилась. К худшему, естественно. Пятна по лицу пошли, вообще, всяческие неудобства начались. Да это все, конечно, ничего, а вот поговорить по вечерам действительно не о чем стало. И тянулись, тянулись те вечера. Слушаю, слушаю ее о том, что купим, да куда поставим, да какие обои нынче в моде... слушаю, слушаю, да и скажу, бывало, как бы в раздумье: а пройдуся-ка я, Валуха, перед сном, воздухом подышу, не возражаешь? А сам — на вокзал, дом-то наш как раз рядом был, там буфет в ресторане, стаканчик пропустишь и домой — на боковую. Короче, опять друзья появились. Событыльники, разумеется.

Стали в гости приходиться, с бутылкой, конечно. Курили, правда, на кухне. Вале ведь вреден был дым. Но вообще-то она всегда гостям была рада, она у меня гостеприимная, что есть — все на стол. Да у них, у Юзюков, вся семья гостеприимная, н-да...

Н-да... что же там дальше-то было... да, я видел, что она им нравится, я же говорил, что она симпатичная. Особенно, я увидел, Круглову она нравится. Дружок у меня там появился такой, Круглов. Ну так вот, я, когда их вдвоем оставлял, а сам в магазин за бутылкой бегал, боялся чего-то. Все время бегом поэтому и бегал, чтоб побыстрее вернуться. А возвращаясь назад, обязательно в окно загляну (у нас первый этаж был) — как у них там: все ли в порядке. Потому что Круглов тот был не женат и бабник большой. Ну, что ж потом было? Да, стал все больше время с этим Кругловым проводить. Но и с другими, разумеется, тоже. Добирался домой в час, а то и в два ночи. Но все это пока не очень отражалось на нашей жизни. Утром все вычищено, выглажено было у меня. Завтрак готов. Хоть и тяжело — иду на работу. Как-нибудь до обеда переберешься, а а обед можно пива кружки две-три выпить и до вечера дотянуть. А вечером, когда деньги есть, в ресторане мы с Кругловым сидим. А если нет денег, то так — возьмем с Кругловым пару бутылок, едем к нему в общежитие. Летом одно время поведились, посидев пару часиков в кафе и выпив при этом, разумеется, изрядно, уходить, не расплатившись. И ведь каким-то образом сходили, не попались ни разу. А тут и Вале срок подошел в декрет идти, поехала рожать к себе в село, вернее, самолетом полетела. А телеграммы о том, что благополучно долетела, дня два-три почему-то все не было. Мы с Кругловым ее отлет отметили, и тут меня в пьяном настроении, естественно, охватила дикая мысль, что не долетела она — оттого и телеграммы нет. И она, думаю, разбилась и неродившийся еще ребенок.

Вот так и сидел я и жаловался на судьбу Круглову, а Круглов, как мог, успокаивал. Может, говорил он, еще и не совсем разбилась, может, как-нибудь все же долетела, и телеграмма вскорости все объяснит, а? А я ему на это говорил, что, мол, нет — чего уж там, и так все ясно: если б долетела, давно бы телеграмма

была, третий день уже. И записи мы по-настоящему, так мне Вале жаль было, да и Круглову жаль ее тоже было, я сам слезы у него на глазах видел. И так, помнится, нам хорошо было горевать, что потом, когда пришла телеграмма о том, что Валья долетела благополучно, я вроде бы не очень и обрадовался, то есть остановиться было уже трудно. Так как-то весь закрычинился-затуманился, запил и уже не понимал, кого мне больше и жаль: себя ли, Валу ли...

В общем, с размахом стали пить после ее отъезда. Да и скучно мне было без нее, я уже привык к ней как-то. И если теперь выпадал какой-то вечерок без выпивки, сразу так пусто, одиноко становилось, ни к чему душа не лежит. Слоняешься из угла в угол, ну а выпьешь, вроде и обрадовешься, и опять все прекрасно. Тут меня обратно перевели в рабочую. Написал я, значит, материалов больше, чем надо, вот и перевели. Почти каждый месяц это делал, и ничего. На что-то пить каждый день надо. То ресторан, то кафе, то домой ко мне едем — почти каждый божий день... что-нибудь да и сорганизуем. Как говорится, бьешься-бьешься, а к вечеру напьешься! Ну, а тут влип.

Бросили на низовку. Каменщиком я могу, теперь плитку научился класть. И начали мы потихоньку с Кругловым ходить халтурить, он в сантехнике немного соображал. Хотя у него профессия горного техника была. Пока не спился. И получалось: у нас каждый день калым — то десятка, то двадцатка. Я, например, так научился класть плитку на казенном клею — пальчики облизнешь. Наперебой пригласили. Да вообще-то и правда — чисто у меня получалось. Какой-нибудь хозяйке кухню выложишь, самому уходить неохота. А если уж честно, мне своими руками что-то делать нравилось больше, чем распоряжения другим отдавать. Я, наверно, не честолюбивый человек. Я люблю перед работой сесть, посидеть, сигарету выкурить, прикинуть все: что и как насчет предстоящей работы. Какая-то будет стенка, откуда плитку я начну класть, бордюричик как пройдет, чтобы все, значит, красиво получалось. Чтобы мне самому нравилось, это для меня главное. Что там потом заплатят, угостят, накормят — это само собой, а главное, чтоб самому работа нравилась. Как приятно потом после хорошей работы помыть руки, вытереть чистым полотенцем, которое сама хозяйка тебе подаст, и не спеша пройти к столу. А там, скажем, борщ со сметаной дымится-курится, я без первого, например, не могу. Ну, и к борщу стоит все что полагается. Хорошо это с полстаканчика вплеснуть в себя с устатку и хлебать борщ со свежим хлебом, и чувствовать, как разливается тепло и сытость по всему телу — хорошо поработал!

Но обычно на этом все не кончается. Идешь, а в кармане у тебя десятка, а то и двадцатка. Настроение хорошее, сейчас бы в самый раз отдохнуть, да ведь деньги в кармане. Жгут! И ведь что самое интересное: обязательно кого-нибудь да встретишь! А если на улице не встретишь,

зайди в шашлычную, там уж обязательно встретишь. Бутылка, другая... Ну, и как домой добрался, утром, само собой, не помнишь, голова трещит, тошно, а на работу надо. Тут основное — до работы добраться, встать, значит. А там-то на свежем воздухе, конечно, разойдешься, кладешь стенку, кирпич мастерком подправляешь, раствор лишний убираешь. В общем, когда работа есть, незаметно и до обеда дотянешь, хуже, когда раствор не завезут или еще что. Тут и покуришь, и потрелешься: кто там вчера чего, кто там как вчера добрался, кого жена привела. А время без работы все равно медленно идет, куришь-куришь, а все еще полдесятого только. Попробуй тут дотяни до обеда. Ну, и начинаешь, конечно, соображать. «По рваному, что ли?» — а желающих всегда найдутся. И уже кто-то в магазин побежал. Вот так...

В общем, в марте Валя родила Олю. Мы с ней заранее договорились, если дочка, назвать в честь Валиной мамы. — Ольги Матвеевы — тоже Олей. Пришла телеграмма, а у меня, как назло, ни копейки! Чтоб хоть какой-то подарочек послать. Я ведь, если честно, за все декретные месяцы и послал-то ей рублев сорок всего. Да и то с квартальной премии. Как подумаю, бывало, так себя сволочью и обзову. Мы с Валей решили, пусть до осени они побудут в деревне, пусть дочка немного окрепнет. Ну, так и жили: они — там, я — тут, в Караганде. Я уже решил, как они приедут, все — завязываю!

Так, значит... Лето пришло, они еще не приехали — фрукты самые, овощи пошли — жаль было действительно из деревни в такое время уезжать. Написали, что побудут до осени. Я-то, конечно, скушал, но согласился, что так для всех будет лучше. В общем, почти год без жены прожил. Было нелегко год прожить. Но из трехсот шестидесяти пяти дней триста я засыпал отключившись — по причине принятия полной нормы. А норма в то время, не то что сейчас, была у меня — тысяча двести грамм водки. Я, то есть, что хочу сказать, что по существу-то за этот год не так уж и много было вечеров, когда я уж слишком-то тосковал по ней. В общем, жил неплохо. И работа шла помаленьку, ни шатко ни валко, но шла все же — и без чэпэ. Начальство даже предлагало опять вернуться в мастера. Но мне, по правде, уже не очень и хотелось.

Осень незаметно подошла. Можно бы им и приехать уже ко мне. Но у меня в ноябре отпуск. И я решил, что поеду к ним на октябрьские праздники в отпуск. Она мне еще писала, чтобы я хотя бы в селе у них появился трезвый, потом, мол, пей сколько хочешь, но «только трезвый приедь!» Да мне и самому хотелось доехать трезвому, появиться перед ними в человеческом виде. Тем более что в дальнейшем я твердо решил, что если совсем сразу и не брошу, то по крайней мере выпивать буду лишь по праздникам и по дням рождения. Хотя, конечно, лучше б совсем бросить. Получил я отпускные за два года, премию, зарплату — что-то около тысячи набралось. Купил всем подарки. Матери — отрез на платье. Теще — коф-

ту вязаную, тесно — кожаную кепку, а Вале — платок настоящей оренбургский. Дочке — игрушки разных. И бегом, чтоб ни с кем не встретиться, прямо на вокзал. Бутылку я с собой взял. Сяду, думаю, в поезд, вся суматоха позади, и тут поем и выпью с устатку, стакан — не больше — и на боковую. А утром опять поем и выпью — стакан. Так и доеду. Ан нет! Свинья, как говорится, всегда грязи найдет. Стакан я выпил — это правда. А потом думаю: «Что же дальше делать?» Попутчики какие-то неинтересные, все больше бабки с мешками. На полку ароде рвановато. В окно глядеть? Чего она будет стоять до утра, взял и допил. А как допил, в вагон-ресторан, само собой, направился. Ну а уж дальше что было — четко и не помню. Проводники поил всю дорогу, официанток. Подарки раздарил. Короче, когда поезд остановился на нашей станции, проводники, спасибо им, вынесли меня на перрон и положили, и чемодан рядом поставили. Спасибо им. Поезд у нас на минуту всего-то и останавливается, свистнул, ушел, а я лежу на перроне, встать не могу, но все вижу, все понимаю. Юзек-старый стоит — вижу, Ольга Матвеевна, матушка, ну, одним словом, все родичи, а впереди Валя с дочкой на руках. Все смотрят, а у Вали на глазах слезы выступили. Тут я себе самое страшное слово дал: «Больше в рот — ни капли!» Ну, слово давать, сами понимаете, легче, чем выполнять. После отпуска вернулись мы в Караганду, и все пошло по-старому. Дочь мы, правда, не взяли. Ольга Матвеевна уговорила нас ее оставить. Сказала, воздух у вас в Караганде плохой. А дочка немного прихварывала. А может, возьми мы дочку, все по-другому бы у нас сложилось. Кто знает, кто знает...

А так приехали мы одни, и скоро мне опять по вечерам скучновато стало с Валей. О чем говорить? О тряпках, обоях, картошке на зиму — сколько ж можно! И я говорил, берясь за шапку: «Пройтись, что ли, перед сном?» А Валя уже кричала надрывным криком: «Опять припрешься на карачках!» И еще кричала: «Смотри — не пушу, так и знай!»

В общем — и еще года два так жили. То ругались, когда добирался я до дому, или не добирался — ночевал у Круглова в общежитии. То мирились, и она меня отмывала, отчищала, утром к завтраку будила. Я ее ведь жалел всегда, всегда из ресторана что-нибудь да везу ей — то цыпленка табака, то антрекот какой-нибудь заверну в газету. Шляпу, бывало, потеряю, руки все в кровь собою, а цыпленка табака доведу. Раздумавшись о ней в ресторане, и так, бывало, жаль ее, бедную — ну, до слез. Ну и возьмешь ей что-нибудь, в салфетку завернешь. Это ее всегда трогало, вернее, она от этого быстрее отходила, переставала ругаться и начинала меня приводить в порядок... воды там ночью подает или еще что.

Но потом мне все тяжелее становилось отходить от пьянок. Возраст уже к тридцати приближался, давал знать. И вот однажды мы с Кругловым (похмелиться было не на что) взяли зимнее мое пальто и поехали на толкучку. Пальто было совсем новое,

в магазине стоило сто восемьдесят рублей. Воротник — серый каракул. Нравилось мне пальто. И Вале нравилось. Мне еще и потому не хотелось его продавать, что оно ей нравилось. Но делать было нечего, трясло нас с похмелья так сильно, что мы поехали. Завернули пальто в газеты и поехали. На толкучке Круглов, накинув пальто на себя поверх плаща, так как дело было весной, пошел, а я в сторонке стоял. Решили за него рублей сто взять, все ж оно сто восемьдесят стоило. Но никто почему-то за него больше двадцати пяти рублей не давал. Потом один мужик хотел дать сорок, но мы ему чем-то показались подозрительными, потребовал паспорт показать. Не ехать же обратно за паспортом через весь город, да и выпить хотелось поскорее, во рту все пересохло! Так за двадцать пять и отдали да в тот же вечер и пропили. Потом костюм таким же точно образом ушел. Меня уж к тому времени выгнали из шахтостроя, так что денег не было. В общем, когда однажды Валя заглянула в шкаф, она так и ахнула. Я уже и за ее вещички принялся. Конечно же, был большой скандал, конечно же, отныне Круглова на порог ни ногой! А мне завязать — раз и навсегда. Вот на каких условиях мы помирились. Заперла она меня и с моими документами поехала куда-то на работу меня устроить. И устроила! Вот жена! Работа была разъездная. И сначала мне даже нравилась. Я по месяцу не бывал в Караганде, дружок прежних по месяцу не видел. И в командировках в первое время не пил вовсе. Как-то люди всё новые кругом, да и на колесах — мы с холодильниками разъезжали по всей стране. А потом как-то освоился, что-то раз обмыли, другой... еще какая-то выгода подфартила, ну и пошло. И пошло, пошло... да еще как пошло-то! На колесах оно еще лучше. Там, в этих холодильниках, такие комбинаторы оказались — всему научили: где что взять подешевле, где продать подороже — в общем, живые деньги всегда были. И ведь что главное: все равно не хватало! Я помню, заявление написал, чтобы зарплату жене переводили, а мне бы одни командировочные давали, так ведь все равно не помогло — пил в долг, а когда возвращался, все равно приходилось отдавать. Еще год так прошел, и Валя ушла от меня. К другому.

В общем-то, наверно, правильно сделала, что же жизнь свою калечить, она же еще молодая. И все-таки трудно мне было это перенести. Я ее любил. Я как раз ехал из Петрозаводска. Недели три ее не видел, соскучился, даже букет на вокзале подвезнулся — купил. Взабегал одним махом три ступенечки — у нас же первый этаж — и я в квартире, а там — записка: так, мол, и так — нам надо расстаться, я так больше не могу, уезжаю с одним хорошим человеком в город Пермь. Если будешь высылать на воспитание дочки — хорошо, а если нет — то и так не пропадем, обойдемся. Меня это все так ошеломило. До этого у нас и разговора не было о том, чтобы разойтись из-за моих пьянок. И вот на тебе! Я даже думаю, поставь она вопрос ребром, я бы, может быть, действительно бросил пить.

Потому что, повторяю, любил ее очень. А слово «Пермь» потом с год не мог слышать. Как услышу, так все во мне и оборвется. Хотя она в Перми не много нажила. Через некоторое время, узнал я, вернулась к матери в деревню одна. Даже письмо потом присылала: давай, мол, опять сойдемся, чего меж своими не бывает, дочь ведь у нас как-никак. Но только я к этому времени уже перегорел. Напиши она мне такое письмо не через год, а через месяц, я бы ей все простил. А через год — не-е, не смог. Я ее любил. Я даже целый год в кино не ходил, чтобы случайно не увидеть там историю, похожую на нашу. Вот до чего уж дошло. До того я это все ярко себе представлять начал, как у нее, у моей жены, значит, теперь все с этим, другим, происходит, что говорят они друг другу при этом, ну, в общем, все как представишь, как схватиться за голову — ой-ё-ёй! — как огнем охваченная голова становится. И если срочно не выпить, а вернее, не напиться до бессознательности, не знаю, что б и было тогда. Вот тут-то я уж стал пить по-настоящему, до этого цветочки были, а теперь ягодки. Квартиру сменил, не мог в той. В другой дом переехал, на пятый этаж. Друзья у меня теперь завелись самые разнообразные, но, конечно, все — «выпить не любя». И пропил я с ними все, что мог. В квартире один спальный мешок остался да раскладушка. Да на балконе вместо цветов лук рос, так что закусить всегда было чем.

Ключ от квартиры всегда перед дверью под ковриком лежал. Чтобы всегда ко мне прийти можно было. Ну и шли, конечно. И Круглов, и другие, и те, кого вообще в первый раз в жизни видел. Проснешься, а в комнате неизвестные люди, черт знает, откуда, как, чего. А-а-а, думаешь, ладно, главное ведь выпить, а уж потом разберемся что к чему. Некоторые с женщинами приходили, кто на час, кто на ночь. Иногда приду, а у меня изнутри закрыто, стучусь — не пускают. В собственную квартиру! Так я как в таких случаях приспособился — вылезу на крышу, повисну на карнизе и прыгаю к себе на балкон. Карниз — беда — далеко выступал, можно было запросто промахнуться. Ну, пьяный, пьяный, а соображаешь и начнешь расклевывать туда-сюда — и гоп-ля-ля, да и угадаешь к себе на балкон. Соседи меня парашютистом прозвали. А в общем-то я ни разу не промакнулся. А на балконе у меня спальник был, заберешься в него, даже в комнату не входя, и гуд бай... Вот так... да... ну, что ж... Да, а меня уже выгнали из ремконторы, я после холодильников туда устроился, но проработал немного, месяца полтора-два. Запил по-черному, когда Валя меня покинула. Уже стал и одеколончик пробовать, но по-настоящему еще не втянулся. Все же я не совсем еще опустился, подрабатывал изредка на разгрузке вагонов, станция-то рядом. Иногда я запирался и нижого к себе не пускал.

Когда были деньги, покупал несколько бутылок водки и запирался.

Я одну бутылку обязательно привязываю

вал на веревку и спускал со своего балкона на соседний, подо мной. Когда водка кончалась, я всегда мог вытянуть свой энзз за веревочку и с удовольствием выпить. Там подо мной жила одна молодая женщина, так что я был спокоен — бутылка будет в сохранности. Звали ее Тамара Гезий. Были у нее правильные черты лица и большие зеленые глаза. Был у нее всегда очень острый гастрит — она только молоко пила. И к ней ходил очень хорший непьющий парень — Сережа Кондаков. Они должны были вот-вот пожениться. Так что за свою бутылку я вдвойне был спокоен. Да, а еще эта Гезий любила классическую музыку. И вот они ее часами слушали с Сережей Кондаковым. А я пьяный лежу обычно на балконе, на звезды гляжу и слушаю тоже. У меня с Гезий этой что-то вроде дружбы со временем образовалось, уж очень мы были разными людьми, Сережа Кондаков ничего не имел против, он вообще был очень положительный парень, я прямо-таки радовался за них. Не курил он, не пил, всегда рубль одолжит, если пропадешь. Ну, так вот я даже разработал целую сигнализацию стуков по батарее первого отопления. «Здравствуй» — «Как дела?» — «Хлеб есть?» — и так далее. «Поставь какую-нибудь пластинку» — было. «Спокойной ночи» — было. В общем, целый разговор можно было вести. Наши перестукивания всегда удивляли моих собутыльников. Они прямо-таки приходили в изумление, тем более их поражала сама Гезий, когда я придумывал какой-нибудь повод, чтоб показалась она сама...

Э-э-э... чего-то засиделся ты, Владимир Константинович, пора, брат, пора на сплудующую ступенечку, да и знобок здесь в полумраке. Давай, давай... вот так... за перильце, за перильце... не совсем еще сгнило?.. вот... в-вот... гвоздь... вот так... хорошо... фу-у-у... хорошо... теперь уж недалеко, уж поближе солнечного чердака видно над головою, отсюда вид как из колодца, темно, холодно, а там сейчас хорошо, крыша уже, наверно, нагрелась...

Да-а-а... так что же дальше-то? А дальше стал я уже допиваться до чертиков. Уже стала мерещиться по углам всякая чертовщинка. С криком вскакивал и закрывал глаза боялся. Только закроешь, начинается вылезать из углов всякая нечисть, всего тебя опутывает волосатая какая-то мерзость, ну — не приведи господи! Стал тогда я так рассчитывать, чтоб напиваться до отключения, да чтоб еще и на утро грамм сто пятьдесят осталось. То есть две бутылки запасал на вечер, теперь уже меня грамм восемьсот мертвым укладывало, уже здоровье не то было.

На разгрузке вагонов я познакомился с Виктором, он лет на пять был меня постарше и работал слесарем-инструментальщиком, пока не спился окончательно. Жил он на квартире у одной пьяницы-старухи. Вернее, она не то чтобы уж совсем была старуха, а лет сорока, может, с небольшим. Но стра-ашная на вид от постоянного пьянства. И Виктор этот был так же какой-то весь несвежий, что ли, затхлый. И развалюха, в которой они жили с хозяйкой, была такая же темная, заплесне-

вевая, дыры заткнуты тряпьем, ящиками, картонками какими-то... От всего там исходил дух такой несвежий, что полчаса побудешь там и полуотравленный выходишь. И вот потихоньку стал я в себе обнаруживать такой же дух. И стало нравиться мне у Виктора, уютно даже у них показалось. Место, которое мне отвели за печкой на трех или четырех ящиках, прикрытых замусоленной телогрейкой, со временем стало мне тоже нравиться. Хорошо было зимой забираться туда пьяному. От порывов ветра, снега вся развалюха ходуном ходит, скрипит и стонет, а мне так хорошо за печкою, тепло, уютно — никто никогда меня здесь не найдет. Да и кому искать-то меня? Я даже писем ни от кого не получал. Ту зиму я совсем не работал. В свою квартиру на пятый этаж боялся и возвращаться, так как за несколько месяцев ничего не платил. Ворологи мы с Виктором уголь на товарной станции, тем и топились, и кормились, а главное — поились. Потом однажды Виктор сказал, что приходил участковый, забрал документы, кончилась их вольная жизнь — в ЛТП оформляют обоих.

И пришлось мне их покинуть. С сожалением покидал. Какие бывали там уютные вечера! Как выползали из всех щелей такие же замшелые, как и мы. И сидели все играть в лото на три карты. По пятачку с карты. Тесно сидим друг к другу, ходики тикают, свет слабый, глаза у всех слезятся, голоса сиплые, а между тем, всем нам очень хорошо — за стеной ветер, темень, снег.

Ну, так вот — ушел, а куда идти, не знаю. Забрел в парк. Там зимой пусто, хорошо. Только гляжу, в озере, в проруби люди шевелятся — моржи. Тут и меня как молнией пронзило: или — или. Или я стану моржом и начну новую жизнь, или все — конец мне. Когда они ушли, я подошел, разделся и полез в черную, свиновую воду. Обожгло, и сердце чуть не выскочило, было такое ощущение, что руки-ноги у меня отнялись. Но я кое-как вылез, надел что попало на мокрое тело и бегом побежал в свою квартиру. Там залез поскорее в ванну, нашел мочалку, кусок мыла и давай оттираться, отдраиваться! На другой день я был у проруби уже с полотенцем, как настоящий «морж». А через три дня работал уже подсобником на стройке, потом каменщиком, потом мастером с двухнедельным испытательным сроком. Купался каждый день, вернее — окунался. Я уже не боялся настоящих «моржей», которые сидели в проруби по пять, по десять минут. Они же, узнав, что я до этого вообще не купался, а сразу начал без всякой подготовки, очень удивились. Оказывается, для этого существует целая система подготовки. Я не пил, пить нельзя, так как я «морж» — это объяснил врач, который вел за нами наблюдение, даже писал кандидатскую диссертацию. Человек, оказывается, в состоянии опьянения переоценивает свои силы и может в проруби находиться гораздо дольше, чем разрешает его здоровье, отсюда простуды, отсюда болезни. У меня было те-

перь оправдание — не пить, я был так доволен. Так теперь я и говорил всем, рад бы, да нельзя, «моржам» ведь нельзя. Я лыжи я достал из кладовки. Теперь до работы часиков в шесть сбегаетесь на лыжах до проруби, окунетесь, разотретесь и домой — готовишь завтрак: мясо там жареное, яйца и кофе. И на работу. Весной перевели в проруби. Друзья — прежние друзья! — не узнавали меня. Я сам не узнавал себя. Пришли как-то Виктор с хозяйкой, оформление в ЛТП затягивалось, они все еще проживали в своей развалюхе, ждали, говорили: уж скорее бы забрали их, что ли, надоело ждать! Принесли, конечно, бутылку. Я же их встретил хорошо. Нажарил мяса, глазунью сделал, свежим луком посыпал. Они все ходили по квартире, и им, я видел, было как-то неуютно от чистоты, свежести, солнечности. У меня была солнечная сторона. На хозяйке была вытертая до кожи шубейка и муфта, изъеденная молью, она все куталась в шубейку, так неуютно ей было у меня. Глаза слезились, моргает от большого света, она вытирала их и все ахала оттого, что у меня такая хорошая, светлая квартира. А на Викторе была пожелтевшая в сундуке рубаха с подтеками. Больше они у меня не были. Стали у меня денежки водиться, стал я кое-что покупать. Книжки, магнитофон «Астра-2». Соседи приходили, просили иногда магнитофон на вечер по случаю каких-нибудь празднеств.

Компании исчезли. Вернее, они еще наезжали по инерции изредка, я встречал хлебом-солью, только сам не мог — «морж». И так мне моя новая жизнь нравилась! Я и Газий уговаривал купаться, она обещала подумать. Сережа Кондаков к ней по-прежнему ходил, они все еще не поженились. А она красивая была, глаза удлинненные, зеленые, но с какой-то сумрачностью, с какой-то злостью — гастрит ей не давал покоя, все время обострения были, наверное поэтому. Хотя в разговоре я ни разу не видел, чтоб она раздражалась.

Так вот, возвращаясь однажды с лыжной прогулки вечером, а в подъезде знакомый парень из соседнего подъезда, как звать — позабыл, а вот жену его — армянку — помню, фамилия Марказьян, двое детей у них было, но все это не важно, а рядом стоит невысокая девушка в богатой норковой шубе. И вся искрится — шуба, черные волосы, глаза, снег летит, фонарь сияет. В общем, они меня поджидают, чтоб попросить магнитофон, у них какое-то застолье организуется. Ну, поднялись ко мне, он меня поздравил с этой самой Галочкой. Она работала заведующей детским садом. Она в этой шубке, под падающим снегом показала мне довольно симпатичной. Лицо смуглое, волосы черные как смоль, а глаза ярко-синие. Правда, маленькие такие глаза, зато нос прямой, настоящий греческий. Отец ее и правда был грек, как я потом узнал, а мать русская. Ну, взяли они магнитофон, меня приглашают посидеть у них, все ведь знали, что я не пью, но просто посидеть звали. И Галочка эта приглашала, голос у нее оказался со струной, так красиво вибрировал. Я

взял и пошел. Они пили, пели, веселились, меня угощали свежими огурчиками. Это Галочка, оказывается, их где-то достала у себя в детском саду. Так вот мы с ней и познакомились, и начался совершенно новый период в моей жизни.

В тот же вечер я поехал ее провозжать. Она жила на другом конце города. В такси был полумрак, ночной город в огнях, от ее шубки веяло свежестью и теплотой. В общем, стали мы с ней ходить в кино и на концерты. А если не было ни кино, ни концертов, просто сидели у меня дома часов до одиннадцати, а потом я на такси вез ее на другой конец города. Она жила у старшей сестры, а вообще-то сама была из Краснодара — там у нее отец и мать. Так-то она была ничего, только уж больно нервная. Работа такая — с детьми. Тем более дети у нее были ослабленные какие-то, за это ей дополнительно доплачивали десятку, что ли. Она мне про это не раз говорила, про десятку. Ей было двадцать шесть лет, мне тридцать один. Она окончила педучилище, хотела даже в институт поступать, да не поступила. Привозила по вечерам иногда свежих огурчиков, иногда помидор. Ну, чай согреем, попьем. Я частенько на кухне гантелями занимаюсь, она обычно сидит в это время на раскладушке, шапку меховую разглаживает, после снега приводит в порядок, у нее такая привычка была. Она вообще аккуратная была очень. Ну, сидим так да сидим, я взял однажды и сказал: «Давай поженимся». А она вдруг заплакала, к окну отошла и стала глядеть на железную дорогу. Я еще подумал: «Чего это она?» Тут она и говорит, что жених у нее был, летчик-испытатель, да разбился. Ну, я, конечно, говорю, что жаль, но что ж теперь-то делать. Теперь я буду, если она не возражает, разумеется.

Сели мы тут рядышком и стали обсуждать. Вернее, она уже все, оказывается, продумала. Во-первых, я подаю на развод, я ведь до сих пор еще не подавал. За зиму нас разведут, и весной мы с Галочкой распишемся. Во-вторых, высылать на ребенка мне лучше не как попало, а четко — одну четверть зарплаты. А то ведь я то месяцами не посылал, то, наоборот, отсылал все деньги какие были. То есть у нас с женою была в силе как бы первая договоренность — могу высылать, сколько совесть позволяет. Но тут я решил, что Галочка права, лучше высылать норму. Потом она сказала, что, если я ей позволю, она займется моим гардеробом, так как свой к свадьбе она давно приготовила. А для меня она уже прикинула на первых порах два костюма: один ежедневный, другой черный — к свадьбе, два пуловера: один китайский, другой — еще какой-то, сестра ей обещала достать. Да, хозяйкой она оказалась расторопной очень, с такой не пропадешь. И стал я ей все деньги отдавать. И что ж вы думаете! Через месяц костюм появился, через два — пальто, рубахи какие-то английские пошли, лакированные туфли. Другизь прежних, когда они однажды заявлялись, она вышвырнула из квартиры! Так что их и след простыл. Вот так Галочка! Я ею

прямо-таки восхищался. И в то же время чего-то страшновато мне порою становилось, а чего страшновато — шут его знает.

В апреле у Галочки был день рождения. Поехали отмечать в ресторане. Она разрешила пригласить всех моих бывших друзей из общегития. Ну и гуляли так часов до одиннадцати. А на одиннадцать тридцать я такси вызвал, чтоб Галочку домой отвезти. Я не пил, конечно. Вернее, пил один боржом. Скучно мне было. Вокруг все пьяные, и Галочка выпила рюмки три-четыре, по случаю дня рождения. Ну, ждем такси, уже расплатились за все. Скучновато, мои друзья допивают, доедают, а я пошел по телефону еще раз насчет такси позвонить. Тут подошла официантка знакомая — Светка: «Что-то, Вовочка, тебя давно не видно? — говорит, — женился, что ли? Круглов рассказывал...» «Может быть, — говорю, — тебе-то какая беда?» «А ты посмотри, — говорит, — в каких я чулкаххожу, — приподнимает юбку, смотрю — действительно, дырка на чулке, — и не стыдно тебе?» Я еще подумал про себя — мне-то чего стыдиться, я ведь с тобой не спал, иди к Круглову, но взял и дал ей десять рублей, скучно мне было. Да и она пьяная была. Но нас обслуживала хорошо.

Ну, иду, значит, обратно к столу, а там за мое отсутствие друзья к Галочке пристают, просят, чтоб она мне разрешила по случаю такой даты, Галочкина дня рождения, выпить за ее здоровье. Пить мне не хотелось, я сильно устал от такого скучного вечера, просиди-ка трезвый в пьяной компании шесть часов кряду. Но вмешиваться не стал. Галочка тоже была выпимши и с улыбкою какою-то уже права на меня решала — выпить мне или нет. Хотя за все я ведь, разумеется, платил, да не в этом было дело, все же мы были еще не муж с женою. Но я не вмешивался. Трезво все это так оценил, и стало мне совсем скучно от всей этой пустоты. Галочка решила жребий бросить — пить мне или не пить. А когда подбросили монетку, выпало пить. И тут я решил: ах так! Глянул на часы — одиннадцать пятнадцать, до закрытия пятнадцать минут. Светка!

Она тут как тут. Это была очень расторопная официантка. За два года работы в ресторане купила себе кооперативную квартиру. «Две водки, два пива, и с собой, столько же заверни, себе шоколадку!» Повторять ей не надо было. И через минуту я уже пил. За столом пошло веселье по новой. До закрытия я успел выпить и водку и пиво, а в такси даже пытался Галочку обнять, но такси даже обнять ее рук не хватало. Да еще и в шубе она была да толкалась, говорила, что пьяный я. В общем, обиделся я, довез ее, развернулся и в общегитие. И загулял! Там меня как родного встретили. Так мы и гуляли между общегитием и моей квартирой. А в квартире я находил записочки от Галочки, она бывала там по вечерам, но нас по вечерам там не было. А потом и у меня развернулись воясю. Магнитофон хрипит, вино рекою льется, все мы пляшем и поем. У нас один сантехник был — цыган — так он цыганочку так плясал! Я

думаю, у Гезий потолок обсыпался. Сунулась было Галочка к нам, но меня в туалет спрятали, а ее вежливоенько выставили за дверь. К тому времени дверь уже сорвали с петель, так она приставленная просто к косяку стояла, но все равно. Мы гуляли воясю. Я, помню, с балкона перегнулся, вернее, повис, зацепившись ногом, что-то Гезий всё объяснял, почему у меня душа не лежит к Галочке, хотя она и хороша. А Гезий со своего балкона глядит вверх на меня и улыбается, и еще с шумом носом выдыхает воздух, и быстро-быстро проводит пальчиком под своим носом: туда-сюда, туда-сюда. Мое расквашивающееся лицо висело совсем рядом с ее. С каким-то странным возбуждением глядела она и молча улыбалась. Может, ждала, не сорвусь ли я с пятого этажа. С Сережей Кондаковым она в то время еще не распилась. А какой был парень хороший!

Все меня опять любят, уважают, все ужасно рады, что я к ним вернулся. Ну и разгулялись воясю, магнитофон у нас гремит. Иногда до утра не выключается. Особенно почему-то полюбились эта — «Ах, люблю цыганочку, а она замуж вышла». И тут, бывало, мне всегда вспомнится, что Галочка-то замуж не вышла, и уж теперь-то наверняка за меня не выйдет. И ее было так жаль, и себя, и жениха ее разбившегося, и все вместе со мною ее жалели бедную. «А ну поехали к ней в детский сад! — кто-то крикнул. — Извинимся. Она человек хороший». «Извинимся, извинимся», — все загалдели, загремели, за мной покатились по лестнице. Цыган с гармошкой, Круглов с мандолиной, я с бутылкой. Схватили два такси, набились все туда, человек десять, покатили. Приезжаем. Вывалились, в вестибюль зашли. «Галочка нам! — кричим. — Извиняться будем!» А сами заповли, заиграли, цыган вприсядочку пошел. Гляжу, на лестнице показались воспитатели в белых халатах, тихий час там был как раз, детки выскакивать начали. Галочка тоже появилась. Я разглядел ее. Она — меня. И тут с ней плохо стало, она упала на ступеньки. Я сразу же закричал: «Все назад, в такси!» И мы умчались опять — допивать, догуливать.

Всё. После этого с Галочкой было покончено. Я лихорадочно заторопился покидать Караганду. Я боялся, что она вернется и все мне простит. Тогда уж мне было деваться некуда. Я через Круглова передал ей магнитофон и купил билет до Хабаровска. Только впопыхах потерял документы.

И остался я без денег, без друзей, без документов. На первых порах было трудно. Пить забыл. Есть было нечего. Я, правда, устроился на квартиру к какой-то женщине. Но работы не было, пока все не наладилось с документами-то. Как я там голодал! А рассказать о своем положении гордость не позволяла. Я так голодал, что почти ничего не соображал. Поэтому многие дни этого периода полностью вылетели из памяти. Хорошо лишь помню, как спускался в погреб, когда уходила хозяйка на ночное дежурство. Там у нее стояли горшочки с нутряным са-

сменить район проживания. И вот я оказался здесь — в Московской области.

Тут мне сначала даже немного повезло. Послали строить для подсобного хозяйства комбината коровники, цементировать скотные дворы и прочее. Неделями не бывал я на объектах — и ничего, как-то все с рук сходило. А в прошлом году перевели на комбинат. Три раза уже разбирали на собраниях и судах товарищески. Все нервы издергали! Такая тут шайка-лейка собралась в товарищеском суде во главе с Константиной Спиридоновой, старшей девой. Душа товарищеского суда! Так в стенгазете на восьмое марта и написали — душ! Так вот они меня к принудлению уже той зимою подводили. Пришлось слово дать, что сам стану в больничку ходить, всякую дрянь глотать. Но теперь все — не отвертеться мне!

А как у них руки чесались еще прошлой зимой меня упрятать на два года в ЛТП И у Константы Спиридоновны, и у Марии Ивановны — профорга нашего. И ведь что ты скажешь — тоже без семьи наш профорг, некуда девать, видно, силы. С какой яростью, с какой страстью меня спасать бросилась! Дай волю — на два срока меня упрятала бы. «Позор! Разложение! Деградация!» О, боже... да за что же мне такое наказание! Я ведь и так еле живой! Я устал от всего! Я теперь, если не уплюсь вусмерть, не живу, а как будто все время еду по тряской дороге. Все время не ощущаю то одну, то другую часть тела. Только я не тело не ощущаю, а как бы не ощущаю больше целиком свою собственную натуру, душу свою, смысл свой.

Вот даже такой простой факт. Пока не дали мне места в общежитии, жил я в комнате мастера Колтунова, он уезжал на два месяца в отпуск к сестре в Ленинград и предложил пожить у него. Так вот однажды обнаруживаю я себя сидящим в кресле и читающим чужие письма: жены Колтунова к нему. У их взял в ящике стола и спокойненько себе читаю. И тут я как будто включился — да ведь это же гадко чужие письма читать! Хотя помню прекрасно, за полчаса до этого, когда я их только обнаружил, у меня и мысли подобной не было, чего-то, какую-то часть своей души, где стыд, значит, я не ощущал, наоборот, помню, радовался. Я ведь писем от жены давно не получал, а мог бы, повернись все в жизни по-другому.

Очень часто в последнее время слышу матушкин голос: «Брось, Вова, опомнись, приезжай, сойдись с Валентиной, живите, дочь у вас». Все углы обсмотришь, откуда идет этот голос — страшно! Ивовых почек, ползающих по мне, я не боюсь. Я снимаю их с рук, с плеч, с груди горстями и в помойное ведро спокойно выбрасываю. А вот голос! Это то дал.. Да ведь со всеми ползуебытыми интонациями, со всеми матушкиными оттенками, особенностями — нет, такое не может просто показаться. Я месяца два тому назад очнулся в таком состоянии. Ну, думаю, все! Или я похмелью, или помру. А ни копейки! Еще вчера, пока пил, и друзья были и деньги. Пока деньги есть, друзья будут.

А вот когда нет ни копейки, поди займи попробуй хотя б на пиво. Все карманы перетряс — ничего! Осмотрел я свою комнату — все казенное, да и что загнать можно — простыни? полотенце? — так не война ведь! И чувствую: не выпью кружку пива — тяжелую, холодную, с белой пеной по краям — помру! И как представил только эту самую кружечку пива — тяжелую, холодную... как только представил, как погружаю в нее свои губы, делаю огромный сладкий глоток, — так верите ли, чуть не задохнулся! Наверное, о любовном поцелуе я так никогда не мечтал. Вытряхнул я все из своего походного рюкзака: носки, мягкие рубахи... гляжу — нож, хороший, охотничий, купил когда-то с рук с получки за десять рублей. Ну, схватил я его и к ларьку. Дворами, конечно, не дай бог — кто увидит! От любой машины шарахаетесь — не начальство ли! Кое-как до ларька добрался. Как раз мужики идут, губы вытирают, пиво напились вволю. Я — ребята, нож возьмите, похмелиться надо. Один остановился — а что просишь? Да хоть на кружку, говорю, пиво. Ну, мужик на меня посмотрел только и взял мне три кружки. Я от счастья и слова не мог вымолвить. Ну, сейчас, думаю, смаковать буду! И что бы я думали, ставлю перед собою эти три кружки, хватаю одну — залпом выпиваю. Хватаю вторую и чувствую — пить не могу. Ослаб сразу, потом покрылся, ноги дрожат, не держат, но это все ерунда, а главное — пить не могу! Вот она стоит передо мной — темная, холодненькая, край посолон, — а пить не могу! Что ты будешь делать! Так и поплелся я, братцы, обратно в общагу. Из второй кружки даже половину не отпил, а третья вообще осталась нетронутой. Как вспомню, до сих пор жалко. Не ножа, конечно, а этой полной кружки пива. Сюда бы ее сейчас... Впрочем, у меня сейчас дело серьезнее. Давай-ка, брат, последнюю ступенечку преодолеем, вот так... и вот так... уже и голова на чердаке... уже скоро, скоро...

Ну, что ж, почти добрался. Да, с месяц, наверное, тому назад дали мне вагон продуктов, с которым я должен был выехать к бригаде в дальний район. Бригада уже там была. Да вот не выехал, не успел. Вышел из конторы в обед, еще и раздумывал, помнится, — сегодня выехать или уж завтра с этим самым вагончиком продуктов. Подхожу к столовой, вижу, два парня считают мелочь, вижу — на бутылку не хватает. Поглядел, вроде неплохие парни. Ну и взял им бутылку — жалко, что ли. Ну, короче, пили до ночи, а ночевать пошли ко мне в вагончик. Среди шпротов, бычков в томате и ящиков с яйцами. Утром обнаруживаю, что от аванса, от восьмидесяти рублей, копеек двадцать осталось. У парней тех, естественно, тоже ничего. Ну что же делать-то? Похмелиться-то надо! А вагон с продуктами на что? Ну и пошло. День пьем, другой. Дней через восемь-десять стало в вагончике от продуктов псовободнее. Тут угрозу мы какую-то почувствовали — вернее, я один почувствовал, так как ребята мои случайные исчезли, я даже и

не заметил — когда. А меня вот в ЛТП оформляют. Оформили уже. И тогда подался сюда, к дядьке на дачу. Но и здесь уже разыскали: сегодня к девяти придут. Наверное, вместе с участковым и Вандышев будет — заместитель начальника. Он всегда все похороны, все юбилеи устраивает. Это его хлебом не корми — дай только какое-нибудь мероприятие организовать. Ведь как строитель он нуль без палочки. И вот надо же! Есть такие люди, всю-то жизнь вместо дела занимают общественными мероприятиями, а выгнать нельзя — не пьют они, не то что я.

И почему это хорошим людям так тяжело жить на белом свете? Я не о себе, я тут вспомнил одного спившегося мастера из Львова. Где-то мы с ним в Сибири повстречались, и он мне всю ночь рассказывал о баянах. Как же он, братцы, понимал предмет этот! Непостижимой Он рассказывал, а я музыку его баянов слышал, ей-богу! И вот бросил все, что-то в Сибирь его погнало; в бараки, в холод, в пьянство. Кашлял он всю ночь простуженно, плакал даже. За что же такая жизнь, я спрашиваю!

А у меня сегодня голова четкая, ясная. Это у меня изредка бывает после больших запоев. После особенно сильных. Как будто от сильного удара все немеет, и так все четко соображается, и ничего не беспокоит. Все онемеет перед страшной болью, которая придет позднее, часа через два. Нет, теперь уже раньше — через час, я думаю, через полчаса даже. Но только настоящие кошмары будут только завтра. А завтра-то я буду далеко, в больнице, под капельницей — мне не страшно, я все рассчитал. Что? Съели! Константа Спиридоновал! Не удалось вам речь обвинительную сказать, уж, наверное, заготовили, уж, наверное, ночь готовили, не спали. Что, Марья Ивановна, все подсчеты ваши насчет моей задолженности по профсоюзам ко всем чертам собачьим полетели! Я уж о пропитых продуктах из вагончика и не говорю. Хотели пригвоздить меня к столбу, а я не дался! Да? Не удалось заклеить! Я ведь еще вчера, когда в пьяной горячке метался, видел все ваши трезвые лица с поджатыми губами. А я больше не перенесу вашего негодного суда, слышите! Да я лучше в петлю!

И тут-то меня и осенило. Я все рассчитал — вот балка, веревку я выбрал потолще, чтоб не так больно было, ящик, когда его отброшу из-под ног, — как раз: ноги сантиметров двадцать до пола не достанут. Минуту я спокойно могу выдержать без воздуха, я уже проверял. А вам сюда добираться пятнадцать ступенечек, как раз пятнадцать секунд. Пусть еще пятнадцать секунд на всякие охи-ахи, когда вы увидите тело мое бездыханное в петле — ноги двадцать сантиметров до пола не достают. У меня в запасе еще целых полминуты остается. Так что успеют... из петли вынуть. Ну, и куда же меня? В больницу, конечно, под капельницу. Вы думали меня заклеить, а я ушел. Я от бабushки ушел, я от дедушки ушел... Чу! Слышу, слышу сладкие голоса. А я все не

боюсь! Только трясется все. Когда меня вот так начинает трясти и все подпрыгивает перед глазами, мне кажется, что это не я рассыпаюсь на сто осколков, на сто мыслей одновременно, а это мир рассыпается, показывая мне одному свою жгучую тайну непрочности. Ибо все-то его видят прочным, надежным, верным. Ну, пора... поднимаются, скрипят ступенечки... Пора! Что б еще такое последок... Ой, куда же это я лечу?! — и тут сразу хорошо, темно стало, славно так... — очнулся — участковый стоит: «Ага, — говорит, — глаза открыл, значит, все в порядке! Ну, брат, собирайся, в ЛТП поедем»...

2

Это было в ноябре, еще в прошлом году, а в апреле от Возки С. письмо пришло. Он писал, что после выхода из ЛТП хотел бы опять работать по специальности, хорошо бы в цех к Петру Ивановичу Гаврилову, но не знает, как с Гавриловым связаться, просил помочь. Еще писал, что никто к нему в ЛТП не приезжает, как к другим. К другим приезжают, а к нему — нет. Решил я съездить к нему: знакомы все же не первый год, о чем-нибудь Возку попросишь, никогда не откажет. Адрес был на конверте. Сел в электричку — поехал. Потом автобусом, потом пешком через поле. На краю поля несколько розовых строений виднелось. На остановке мне сказали, что это и есть ЛТП.

Иду полем, просторно, солнечно. Приближаюсь к розовым зданиям в веселенькую клеточку. Рядом две женщины домой в соседнюю деревню возвращаются. Разговаривают об ЛТП, о его обитателях:

— Посмотрела бы ты, — одна другой говорит, — что здесь творится по субботам, воскресеньям! Толпами родственники идут, сумки им тащат!

— А кто же идет? — к разговору присоединяюсь.

— Как кто! Жены, матери... те же самые, что больше всего от них, паразитов, и страдают...

Значит, те же самые, что сперва все пороги обегают, чтобы своего мучителя хотя бы на два года устроить сюда, в ЛТП, чтобы два года всей семьей от него отдохнуть. А потом, не пройдет и месяца — бабье сердце отходчиво, — идут, несут полные сумки вкусных вещей, плачут, жалеют.

— Наверное, — сказал я, — еще и бутылку пытаются незаметно сунуть?

— Да они и так тут выпивают.

— Как!

— А на работе. Их же возят тут везде, к нам в РСУ привозят, трубу тут недавно варили, подошла глянула — интересное же, как им там, в ЛТП в этом: «Мать, а мать, — это мне они, — валенки не возьмешь? Новые». Я глянула, и правда — новые. Цена — бутылка. Теперь цена везде такая, — женщина вздохнула, — бутылка. Ну, я не взяла, так ведь другая взяла... Работать не работают, а восемь рублей в день на человека им платят! Наш начальник сперва до двадцати человек с ЛТП

брал, а теперь только пять берет, ну их, говорит, — слишком накладно...

На повороте мы расстались, женщины пошли дальше, я же свернул к ЛТП. Шел и думал, что же это такое — ЛТП, лечебно-трудовой профилакторий?

Время от времени у нас возникают какие-то новые заведения, какие-то смешанного характера предприятия — ТПК, АПО, завод-вуз, совнархоз, платная автостоянка, плодово-ягодный кооператив и т. д. Часто, не успев создаться, канут в небытие, но, кажется, ЛТП к таким не относится. И как же все это устроено? Как там живет-работает-лечится мой знакомый Вовка С., шанс-то у него есть хоть какой-то! Я, как и большинство людей, был занят до этого своими вполне трезвыми делами, жил не тужил и не думал ни о каких ЛТП. А чего думать-то! Сам туда не собираюсь, товарищей близких странное это заведение минуло. Ну, есть оно и есть, мало ли что у нас есть! Чтоб мне еще голову ломать и над этим. Где-то там существует оно, как нечто декоративное в заморских странах, мне-то какое дело! Вот как было совсем недавно. А теперь вот иду и не могу ни о чем другом думать. И тяжело как-то на душе. Особенно в такой яркий, солнечный день, как сегодня. Особенно на этом бескрайнем чистом поле. Так тяжело бывает, когда чувствуешь — созрело что-то, требует немедленного своего разрешения, нет никаких сил ждать больше.

Я заметил, что по крайней мере последние лет пять, подписывая друзьям открытки к праздникам, обязательно желаю им мирного неба над головою. Мало того, такие же и от них пожелания получаю. Знать, уже в подсознание каждого вошла эта необходимость — мир на земле. Знать, уже действительно на краю стоим. А раз так, то уже никому и ничего доказывать не надо — мир: общепланетная проблема. И все в сторону ответить — эту проблему решать надо. Мира не будет — будет атомная война — ведь ничего другого и решать не понадобится. Яснее ясного.

Вот так же назрела и наша внутренняя проблема — злоупотребление алкоголем. Созрела необходимость ее решения. Ведь не только в сознании — в подсознании она теперь у каждого. В печенках! Столько горя, столько слез она несет. Прошло время показух в борьбе с пьянством, прошло время общих призывов и рассуждений. Нечего самих себя обманывать — существовавшие формы борьбы лишь навели тень на плетень, колы до сих пор не дали реальных результатов! Что-то срочно делать надо с этим искажением нашей жизни, которое, к сожалению, встречаешь на каждом шагу.

В небольшой приемной я в ожидании дежурного ходил читал развешанные по стенам объявления. «Посылки — один раз в два месяца, свидания — один раз в три месяца...» Тут же был список разрешаемых продуктов для передачи. Было напоминание должностному лицу, осуществляющему контроль над посылками, о том, что за взятку согласно статье 174 его ждет наказание — от 3 до 8 лет. Здесь было много всяких объявлений, да-

же тесновато от этого становилось как-то. А еще висел длинный список — «Они позорят нас». Это были нарушители режима, которым добавлялся срок лечения за допущенные нарушения и употребление алкоголя — женщины-получицы были правы! Шел длинный, в несколько десятков фамилий список: Долматов, Широков, Селезнев, Петров, Иванов, Ефимов... Я читал, и странное чувство охватывало все больше и больше. Я почему-то вспомнил, как недавно плесал по Керженцу, по Волге и во многих деревнях и даже самых маленьких деревеньках видел обелиски с фамилиями погибших на войне, где могу поклоняться, читал эти же самые фамилии — Петров, Широков, Селезнев, Иванов, Ефимов... Но те же жизни геройские прожили.

Потом дежурный отвел меня на проходную, велел обождать замполита. Пока я ждал, одна из групп возвратилась с работы. Человек двадцать. Все в синих куртках и в таких же штанах, в синих беретах. Отдаленно напоминающие морские десантники. Правда, уж слишком были согбенными их спины, слишком устало шаркали они башмаками. И еще такой факт — мимо проходили работающие в ЛТП молоденькие медсестры, санитарки и врачи — и хоть бы один из этих синеглазых взглянул на женский пол! Какие уж тут десантники!

И вот сидим в кабинете у замполита ЛТП — Сергея Михайловича Румянцева. Замполит молод, ни за что не дашь тридцати, — строен, зеленоглаз, он полон энергии, доброжелательности и в то же время по-военному строг, четок. Вовку С. пригласили сюда на свидание. Он очень изменился, осунулся, скулы заострились, глаза какие-то бегающие, голос слабый. Он сидит рядом, еще не может опомниться, мнет берет.

— Ну, как живешь, Вовка? — спрашиваю я.

— Да не тянет, — он в смущении трет остроконечную какую-то без волос макушку, — пока не тянет, — и быстрый взгляд в сторону замполита.

— Ну, а потом, когда выйдешь?

Пожимает плечами. А он ведь действительно не знает — как оно все будет потом, когда выйдет отсюда. Впереди еще больше года, еще можно набраться решимости, а пока он не знает, не хочет даже и думать, он весь какой-то пришибленный, ему стыдно глядеть мне в глаза. Не-е, не курорт здесь. Эта поспешность, с какою пожал он мою протянутую руку, выхватил нервно свою из-за спины и с жаром пожал мою, это всякий раз стремительное вскакивание с места при появлении в кабинете кого-то из начальства, а самое главное — эта согнутая поза, тихий голос, какое-то бритоголовое уныние и все торопливые, все невпопад как-то расспросы: «Ну, как там все-то?.. Как там Кисель, всё крестиками промышляет?.. А дочка твои как, подросли, небось?.. Петровна как?..» Потом вдруг здравая фраза:

— Будь другом, узнай: сколько я за квартиру должен, отсюда ведь можно выплывать потихоньку.

общественные дела, за хорошую работу — дадим дополнительные свидания, дополнительные посылки, в магазине человек дополнительный отоварится на пять рублей сможет... С женой мы свидание разрешаем на три дня, есть для этого отдельное помещение. Так ведь навезет ему! И сервелат, и шоколад, и шпроты — идешь на работу мимо, так голова от запахов кружится, ну, как в ресторане! И ведь что за женский характер такой! Сначала всеми силами сюда старается упрятать муженька, потом жалеть начинает. Тут по субботам, по воскресеньям с сумками идут и идут, прямо шествие какое-то — жены, матери, сестры... девичье поле!

Вовке хотелось поговорить, конечно, и он в каждую паузу тихо и торопливо втискивался:

— Я хотел Гаврилову письмишко написать, чтоб, значит, сразу отсюда на работу вернуться.

— Так в чем же дело — пиши! Я и передам. У меня и конверт есть, — я потянулся к сумке, — пиши, а я отвезу и в руки передам.

— Да нет... не надо... — замылся Вовка, на замполита глянул.

— Он знает, — строго сказал мне замполит, — что письма проверяют и...

— Ясно, — сказал я, — тогда я на словах все передам, это-то, надеюсь, можно!

— Это можно.

— Ну, и как ты? — в какой уж раз спрашивал я Вовку, а он лишь плечами пожимал:

— Да ничего... как все... — и снова замолкал.

— Они себя считают здесь вроде бы как в армии, — продолжал замполит. — Им так легче ждать эти два года. Ведь никто не сознает себя алкоголиком, ведь не сознаешь, а? — спросил он Вовку, и тот отрицательно повертел головою, — ну вот, — засмеялся замполит, — и этот не читает, большинство полагает, что попал сюда случайно, вот, мол, гад, участковый схватил, руки скрутил, сюда доставил. А ведь чтоб сюда доставить, надо и заявление родственников, и врачей, и милиции, и общественности. Есть, конечно, и такие, кто всю жизнь не злоупотреблял, но случилось горе у человека и запил, месяц пьет, второй, третий... попадает сюда... Процент излечивающихся из таких довольно высок, такому бывает достаточное встрахнуться, оглядеться, ужаснуться — да куда же я, братцы вы мои, попал! Эти и на «спираль» скорее соглашаются.

— Спираль — что это такое?

— Это ампула, внутримышечно вшивается, потом постепенно рассасывается, а в ней специальное вещество, вступающее в реакцию с алкоголем. Летальный исход обеспечен. По крайней мере, в первые два года после вшивания этой ампулы, по-французски — «эспираль», поэтому и перекрестили в «спираль».

— Это уже серьезно.

— Да. Поэтому только по добровольному согласию. Таких досрочно отпускаем, — замполит многозначительно посмотрел на Вовку, тот отвел глаза, замполит вздохнул, — но другому и «спираль» не поможет — или ликвидировать ее каким-нибудь образом, или два года перетерпит и опять за свое.

— И опять сюда?

— А то куда же! У нас тут как-то отец выходит, а сын на его место... Да... Врачи идут к нам неохотно. Хотя и оклады у нас побольше, и за вредность льготы, а... неохотно... тяжело с ними, — замполит опять вздохнул.

— А чем в свободное время занимаешься? — спросил я Вовку.

— Ну, чем-чем — в футбол с ребятами можно погонять... у нас же площадка своя есть.

— Ого! — не очень натурально воскликнул я. Тягостно было как-то на душе. — Футбол, это хорошо! А я уж и забил, когда мяч гонял, ну а вообще-то как?

— Да вот хотел бы досрочно попытаться, а с другой стороны, и денег-то бы неплохо скопить хоть немного... а самое главное, — он как-то испытующе-пронзительно взглянул, глаза его подозрительно блеснули, — самое главное — здесь ведь не тянет, нет, честно! Ну а выйдешь — куда? Опять к магазину?

— Да ведь все от тебя зависеть будет. Вон ты говоришь, что и здесь ухитряются пить. Как?

— Ну, как-как... — неохотно стал мне Вовка объяснять, вяло говорил, уныло, по всему видно было, что для него и для его товарищей по несчастью все это было иным, чем для меня. Чем для замполита даже. Для меня — какая-то смесь недоумения, возмущения. Для замполита — необозримое поле деятельности. А для Вовки! — наверняка ведь какое-то страшное ярмо, от которого ему самостоятельно не освободиться. — Спрашиваешь, как здесь ухитряются пить, — он недобро усмехнулся, уже не очень-то и скрывая слезы, а мне совсем тошно стало, усилилось гнетущее чувство, уже не рад я был всему, но только чем же виноват-то я?

— Ну, привезут нас, скажем, на работу, — Вовка продолжал, — а там ребята соображают, стакан тебе поднесут, ну и готов! Или самому загнать что-то можно: валенки, ватник — вот тебе и еще стакан. Я-то нет, не пью, — торопливым шепотом говорил он, — не тянет, нет, честно, совсем не тянет! Я только что принял сеанс — двадцать уколов. Еще один приему перед выходом...

— Тогда таблетки будут, — уточнил замполит.

— Ага, таблетки, — кивнул Вовка.

— Ну а еды хватает? — спросил я, уж очень сильно чего-то наш Вовка похудел.

— Хватает... В первые дни не хватало, теперь — ничего... Жить можно.

— Ну, хорошо, что-то идет на питание, а остальные деньги — куда? Вы же зарабатываете здесь.

— Лечение дорогое, — сказал замполит, — вот только «спираль» дешевая: вшить всего-то рубль шестьдесят. Владимир, как? Ведь выйдешь, за двести рублей будешь вшивать, подумай.

— Подумаю, — не поднимая головы, отвечал ему Вовка.

— Подумай, подумай, — Сергей Михайлович листал между тем Вовкина дело. Я спросил, кивнул на дело:

— Как он?

— Ничего. Тихий.

— Может, досрочно выйдет.

— Ну, о досрочном говорить рано, надо, чтобы половина была.

— А тебе сколько осталось? — спросил я Вовку.

— Семнадцать месяцев, — отвечал он, не задумываясь, и видно было, что считает дни и ночи, да-а... а выйдет, вернется в поселок, и все опять сначала! Над этим думает, конечно, и чем ближе к выходу, тем думы те труднее, тяжелее...

Мы распрощались, Вовку уехали. С тяжелым чувством я вслед ему смотрел. До ужина будет еще у него политическая, экономическая или какая-то другая учеба, будет лекция о вреде алкоголизма. После ужина документальное кино о пользе занятий спортом. Потом пойдут на отдых в казарму, где в два яруса сотня с лишним ков. А утром — опять на работу.

Да, здесь здоровый режим. Пять дней в неделю работа, два дня отдых. Кино, концерты художественной самодеятельности, спортмероприятия, приезд известных артистов. Все здесь строго продумано, расписано по дням, по часам. Вначале трудно привыкнуть, а затем ничего — привыкаешь. Как признался Вовка. И уже кажется им, что так даже лучше: не надо ни о чем думать, все, что тебе положено, получишь, а чего не положено, никакими путями не добьешься, пиши хоть самому господу богу!

Находящиеся на излечении обращаются к обслуживающему персоналу со словом «товарищ». «Товарищ капитан... товарищ майор...» К ним обращение такое же — «товарищ». Они — не преступники, они больные. Но повсюду заперы, проволока, сложная система входа-выхода, запрещенные ручных часов и многое, многое другое говорит о том, что лечение здесь принудительное. И если ты его нарушишь, уйдешь, скажем, в побег, тебя, разумеется, вернут, но уже осудят на год в такое место, из которого при всем желании не убежишь. А через год опять сюда — долечиваться свои положенные два года.

Тут ведется серьезная политико-воспитательная работа, культурная, спортивная, просветительная и многие прочие виды полезных работ. Есть неплохая библиотека, есть спортивный инвентарь, художественная самодеятельность, выписываются тонкие и толстые журналы. Тут в первую очередь идут фильмы, которые иногда и на столбчатые экраны попадают позже. Тут большой коллектив медиков разных специальностей, современное медицинское оборудование... И все же в тягость это принудительное, прививающее отвращение к спиртному. Не болезненно, а именно тягостно, противостественно как-то. Но уж если общество решило лечить принудительно, так оно и будет!

При всем моем сострадании к этим несчастным душам, в большинстве своем они все-таки уже за той чертой, через которую, по-видимому, нет возврата. И Вовка С., и Борька Киселев, и многие, мно-

гие другие, спускаясь вниз по своим ступенечкам, уже давно из приятных, интересных, небесталанных людей превратились в завязятых выпивох, со всеми соответствующими признаками. Чаще всего это нечто пошатывающееся, мрачноватое или спящее там, где застал последний градус, или с единственной мыслью в мутных глазах: «Где бы выпить!». И потенциально они все не только больные, но, увы, и социально опасные люди. Неистребимая тяга к спиртному медленно, но верно толкает к преступлению. Сначала это довольно безобидные вещи — снять белье с веревки, украсть у соседа из сарая кроликов, картошку вырыть на чужом поле. А дальше? Ведь обязательно будет и дальше!

И второе, может быть, самое страшное в этом явлении — дети! Ради них, ради нашего будущего уже сегодняшнему пьянству надо дать решительный бой. Сейчас же, мне кажется, есть в деятельности ЛТП какая-то нерешительность. Словно бы с правой какой-то точки зрения есть тут какие-то сомнения, а отсюда и двойственность этого принудительного лечения налицо. А раз двойственность, то и остановилось оно на полпути, заранее обрекая себя на слабую эффективность. Ведь как ни верти, самое сильное на сегодня лечение — «спираль» — применяется лишь на добровольных началах. Хотя, конечно же, уговаривают, обещают досрочное освобождение. Вызывают: «Ну, решил не пить больше?» — «Решил!» — «Так вшей спираль». — «Да ну ее...» — «Так ведь решил же!» — «Решил». — «Так в чем же дело?!» И так далее, до бесконечности.

Причем очень часто отказываются от «спирали» люди, действительно решившие после ЛТП не пить ни грамма. Чего, казалось бы, бояться? Но только представит все это — и человека вдруг охватит робость. А ведь и действительно — в твоём вдруг теле на долгое время (на три года) поселится нечто инородное. И не просто инородное, но по-особому активное. Тело, которое до сих пор принадлежало тебе лишь одному, теперь уже как будто и не принадлежит! Все потерять было можно, кроме этого, одному тебе до самой смерти принадлежащего. Шапку мог потерять, деньги мог, жену, семью даже, но тело-то всегда при тебе. И вот этого больше не будет? Нет, это страшно, это уже психология, и она сидит глубже, чем думалось до этого: «Так завязал!» — «Завязал!» — «Мертво!» — «Мертво!» — «Так вшей спираль, досрочно выйдешь». — «Да ну ее к лешему, уж лучше как-нибудь без нее...»

Ну а насильно это делать, даже если и нет другого выхода, у кого же рука поднимется! Наш закон видит Человека в самом опустившемся. Уважает человеческое достоинство даже в том, в ком его днем с огнем не отыщешь. Одним словом, всегда человеку дается шанс подняться.

И в то же время находящиеся здесь не голосуют — лишены такого права. Они как бы и вне общества. Как же все-таки к ним относиться? С правой точки зрения? Ведь от этого во многом зависит как

их лечить. Покаяно, что принудительно, но насколько! Пока же от сегодняшнего принудительного лечения пользы, откровенно говоря, мало, об этом скажем ниже. И чтоб польза была реальная, по мнению многих, с кем я разговаривал в ЛТП, в горьком, на производстве, где трудятся они, менять в этой форме многое надо. Пока же не совсем даже и ясно — как менять. Не ясно, что можно, а что нельзя. Опыт за эти годы, конечно, накоплен немалый. Кадры ЛТП, как правило, профессиональные. Но вот с юридической точки зрения неясность во многом снижает эффективность данных заведений.

Есть и другие, уже организационные вопросы, требующие разрешения. Например, крайне необходима собственная промзона. Чтоб «контингенту» работать там, где и живут, чтобы не тратить слишком много времени на транспорт. А то ведь не успеешь отвезти людей куда-то в город на работу, как уже пора доставлять обратно в ЛТП на обед. Собственная промзона — меньше соблазна и выпить где-то на стороне, меньше шансов, закусив удила, удариться в бег. Собственная промзона — и воспитательная мера изоляции, и экономический эффект, так как собственную работу можно организовать гораздо лучше. А это очень важно, ибо ЛТП на полном хозрасчете. Семь рублей с копейками — здесь средний заработок в день на каждого. Уж не знаю, как они работают на стороне, здесь же, в зоне, на стройке, я видел — работают хорошо. Работают споро, без суеты, ведь большинство имеют хорошую специальность. Ну а если попал без специальности, здесь есть возможность приобрести ее.

Промзона строится, конечно. Но из-за несогласованности с заказчиками строится медленнее, чем хотелось бы. Как раз мой Вовка С. в этот день и работал в промзоне, и был весьма доволен, что не надо тратить время на дорогу. А поэтому и заработок хороший. В среднем половина денег уходит на питание, форму, службу, лечение. Половина идет в накопление. Десять рублей тебе разрешено в месяц потратить на магазин, прикупить к питанию сахар, масло, пряников. На питание большинство не жалуются, оно примерно соответствует армейскому, но ведь так хочется порою разнообразить стол — возраст-то у большинства здесь далеко не армейский. Вот на это и десятка в месяц. Не густо? Так не на курорте же ты! За хорошую работу, за примерное поведение здесь могут тебя премировать еще пятеркой — вот, собственно, и все.

Ну а к выходу, к сроку, когда закончится лечение, у многих набегают изрядная сумма. Полторы, две тысячи — не редкость. Правда, и не секрет, что некоторые из лечившихся здесь два долгих года, не успевают выйти за ворота ЛТП, поворачивают сразу к магазину, благо он недалеко. Тут же быстро находится подруга жизни — на неделю, полторы, пока есть у тебя денежки. И от твоих праведных, заработанных ежедневным трудом в течение долгих-долгих лет, ничегошеньки скорости не остается. Вот так-то. Но главное: зачем же все-таки ты был в изоляции от родных и близких целых два

года? Зачем лечился, зачем десятки умных, серьезных людей здесь занимались тобой!

В ЛТП, о котором тут речь, ввели небольшое усовершенствование на этот счет — по выходе не давать всех денег, а только на дорогу. Остальные пересылают по месту жительства. Но вот ведь беда — доехал человек до дому, получил свои кровные и-и... жаждущий немедленно обмыть свое возвращение, обязательно обмоет. С еще большими размахом. Правда, не на глазах у ЛТП, который два года, точно следуя детально разработанным умным программам, лечил бедолагу от пьянства, закреплял всеми силами в нем отвращение к зеленому змию, а он-то! Неблагодарный!

Есть тут и такие, я уже говорил, что двух лет не выдерживает и при возможности сбегает. А это уже серьезное преступление, и отвечать придется по всей строгости. Попала человеку рюмка, когда находился вне зоны, в зоне это исключено — и все: пьяному ведь море по колено. Потом будет тяжкое похмелье, расквашение, но поздно, дело ведь сделано, и надо отвечать.

Таких, разумеется, немного, но они все же есть. И опять-таки причина — организационные неполадки в системе ЛТП. Большинство, конечно, свой срок лечения, как и положено, отбывают до конца. И возвращаются к своему очагу. У кого он еще сохранился. Ведь у многих за это время семья распadaется окончательно. Так вот — две трети вернувшихся начинают пить опять. Одна треть вроде бы после лечения не пьет. Во всяком случае так здесь считают товарищи из ЛТП, ибо в течение двух лет, что ЛТП следит за своими бывшими здесь по линии здравоохранения и по линии милиции, на эту одну треть сигналов не поступает и их считают непьющими. По-видимому же, дело обстоит не совсем так — пьют, но пьют аккуратнее, чем раньше. Пьют и опять попадают в ЛТП, слишком уж высок здесь процент повторников, то есть тех, кто попал сюда повторно. Потом, в эту треть попали и те, естественно, кто дал согласие на «спираль» и уж действительно не пьет эти первые два года хотя бы под страхом смерти. «Спираль» — дело серьезное, уж не один погиб, нарушив запрет. Правда, и здесь выход есть и можно как-то исхитриться, отделаться и от «спирали» — вырезают, выдирают, короче, освобождаются всеми правдами и неправдами. Чобы пить, пить, пить! Так что если десять процентов действительно излечившихся наберется, то будет очень хорошо.

А может, и десяти не наберется...

Как раз перед моим отъездом в ЛТП заходил к нам Борька Киселев, дружок Вовки С. Когда-то Борька жил в нашем доме, была семья, жена, дочка. Сейчас нет никого. И вот заходил недавно к нам по старой памяти. Нас с женой не было дома, одни дочки. Они и рассказали, что заходил Киселев. С ним не скучно, если он не слишком пьяный. Дочки в восторге — Киселев ведь на всех музыкальных

инструментах играет! На баяне, аккордеоне, гармошке. Они ему дали гитару — на гитаре сыграл! А сам, рассказывали, друг друга перебивая, все на пианино поглядывает, а попросит вроде стесняется. Они его чаем напоили, он сам, конечно, заваривал. Даю ведь пьет одну заварку. Потом все же попросил разрешения на пианино сыграть, не играл, говорит, никогда. И что бы вы думали: попробовал-попробовал — и заиграл ведь! Целый вечер рассказывал о жизни и играл, играл... даже петь пытался... Дочки в восторге от него. И очень жалели его. Они ведь помнили, каким он был раньше, лет пять-шесть тому назад, когда семья еще была, когда сам Киселев был не хромой, с двумя глазами — а потом попал пьяным под машину.

До сих пор никак не соберется вытащить металлический стержень из ноги, каким перелом скрепляли в больнице. Талантливый человек Киселев! И не только музыкально одарен. Он ведь до сих пор, несмотря на один глаз, что угодно отремонтировать может. Часы, фотоаппарат, пишущую машинку — да что угодно! Принесешь, бывало, еще когда в доме у нас жил, что-нибудь, а он уже руки потирает в предвкушении удовольствия покопаться в хитроумном механизме. Стол освободает, просто сбрасывает на пол пустые бутылки, обеды, окурки. Трапкой стол хорошо протирает и-и... все! Тут уж Киселев не отойдет, пока не разберется, а как разберется — обязательно починит. И ведь инструментально-то у него не ахти какой был, а какие тонкие работы мог! Талант!

И вот все потеряно, по ветру пущено: семья, здоровье, квартира... да и столато, поди, нет, и инструмент загнал в тяжкую похмельную минуту. Сколько же таланту потонуло в маленькой рюмке! Сколько же русской силушки пустили мы по ветру! И до сих пор ведь пускаем, богачи, богатыри какие! Выйдешь утром, оглянешься и сколько же увидишь их, бредущих знакомой тропкой к магазину с зеленью. И холодком обдаст, ей-ей, и вздрогнет сердце: да что же это творится на белом свете, люди добрые!

— Наверняка что-то будет, — говорил замполит Румянцев, — мы здесь в ЛТП ждем ужесточения. Скорее всего, время пребывания в ЛТП не будет входить, как сейчас, им в стаж работы. Это раз. Срок лечения увеличат, пожалуй, лет до трех-четырёх. Это два. Ну а главное, надо больше строить таких заведений, раз это экономически выгодно. И особенно в сельской местности, где они практически отсутствуют. Забрать туда вообще побольше, чтоб другим nepoвaдно было, чтоб не видели мы эти пьяные толпы у винных магазинов, чтобы...

— А если сухой закон?

Замполит пожал плечами:

— Тогда обязательно тетя Маня как-нибудь встанет перед тем же вашим Вовкой с бутылкой первача.

— Ну, раз она ему бутылку всучит, другой — увидят Вовку пьяным, увидят пьяным другого Вовку или Борьку, и не так уж трудно будет вашу тетю Маню отыскать. Отыскать и вместо ее подопечных сюда вот в ЛТП доставить, изолировать от общества, а?

— Теть Мань поменьше будет, чем этих, экономический эффект не тот.

— Ее одну сюда посади на парочку лет, она трезвыми десятками оставит таких вот Вовок — ого-го-го! — какой эффект будет!

— Еще ведь организовать все это как-то надо.

— А как же — для этого у нас и Советская власть!..

Ну а вдруг да многие, а не только отдельные тети Мани, начнут самогонку гнать!

Еще бывает кое-где такое опасение. Так вот этого-то как раз никогда не будет! Я в этом твердо убежден. Дело в том, что психология нормального пьяницы такова, что никогда он не сможет да и не захочет ждать те несколько дней, пока продукт созреет для употребления. Он и несколько часов-то не может выдержать. Психология такова, что выпить надо тотчас, в течение ближайшего получаса, самое большое — после перерыва, на который закрылся ближайший магазин. А если выпить можно только завтра, то это вообще не предмет для разговора для настоящего пьяницы. Ему сейчас вина да положь. Так что в массе пьяницы никогда не займутся самогонварением. Им всегда занимаются более трезвые люди. Кстати, сами почти не злоупотребляющие, а то и совсем не пьющие — другая психология. Самогонварение — это трезвость, это расчет. Следовательно, занимающихся самогонварением будет не так уж и много. Относительно, конечно, на фоне тех сотен тысяч, что пьют сегодня. А раз так, то самогонварение наиболее вероятно ждет следующий результат: или будут гнать так тайно, так осторожно, что смогут напоить и оболванить одного, другого, третьего и все — и это никак не скажется на нашем общем нравственном здоровье. Или это приобретет вид массовой распродажи, что сразу выявит адреса всех этих дядь Вань и тетя Мань, и тогда изолировать их от общества не составит особого труда. Кстати, для этого не надо и нового закона, есть старый, используем им спуска рукава, вот беда-то!

Я покидал ЛТП. Уходил тем же самым Девичим полем, не потерявшим до сих пор своего значения и названия. Что же делать? Что-то ведь срочно надо делать! Все понимают. Все разговоры вокруг только об этом. Понимают не только непьющие, но уже и те, ради которых мой очерк. Замполит рассказывал, что в это страшное для многих заведение уже начинают приходить добровольно!

— Спаситель! Пропадаю!

Не дадим же им пропасть! Ради них самих! Ради их детей, жен, матерей, ради оздоровления нашего общества, ради нашего будущего.